

УДК 811.11-112: 81-112.2
UDC 811.11-112: 81-112.2

Мухин Сергей Владимирович, Ефремова Дарья Андреевна
Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России
г. Москва, Российская Федерация
Sergey V. Mukhin, Darya A. Efremova
MGIMO University
Moscow, Russian Federation
s.muhin@inno.mgimo.ru, EfremovaDarya@yandex.ru

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
КОНТЕКСТНО-ВАРИАТИВНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ТЕКСТА
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ «МОРЕСТРАННИК»
LINGUOSTYLISTIC MEANS OF CONTEXTUAL SEGMENTATION
OF THE OLD ENGLISH POEM THE SEAFARER**

Аннотация

Статья посвящена анализу использования лингвостилистических средств контекстно-вариативного членения текста древнеанглийской элегии «Морестранник». Выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что композиционно-речевые формы поэмы – повествование с элементами описания, рассуждение и имплицитный диалог – являются ключевым средством передачи основной идеи автора. Особое внимание уделено функционированию основных лексико-грамматических маркеров смены композиционно-речевых форм: личных местоимений 1-го и 3-го лица, личных глагольных форм, а также коннотативно неоднородной лексики. В повествовании отмечено широкое употребление местоимённых и глагольных форм 1-го лица единственного числа и преобладание лексики с отрицательной эмотивностью. В рассуждении выявлено доминирование форм 3-го лица и баланс лексики с отрицательной и положительной коннотацией. В имплицитном диалоге отмечена ключевая роль местоимённых форм 1-го лица множественного числа и использование лексико-грамматических средств выражения модальности с побудительным значением. Делается заключение о трехчастной композиции произведения, выстраиваемой разнообразными языковыми средствами на грамматическом, лексическом и стилистическом уровнях.

Abstract

The article is concerned with the analysis of the linguostylistic means used to effect contextual segmentation of the Old English elegy *The Seafarer*. It is hypothesized that discourse types of the poem including narration with some elements of description, reasoning and implicit dialogue are the key means to convey the author's main idea. The focus of the study is on the use of the principal lexical and grammatical markers indicating the change of discourse types: personal pronouns of the 1st and 3rd person, finite verb forms and connotationally diversified vocabulary. In the narrative part, the emphasis is made on the extensive use of pronominal and verb forms of the 1st person singular as well as on the prevalence of emotive lexical units with negative meaning. Reasoning was discovered to be

characterized by the domination of the 3rd person forms and balanced use of lexical units with negative and positive semantics. Implicit dialogue was found to be notably rich in pronominal forms of the 1st person plural and causative modality expressed by lexical and grammatical means. We conclude that the poem under study features a triform composition built by various linguistic means on the grammatical, lexical and stylistic levels.

Ключевые слова: древнеанглийская поэзия, элегия, композиционно-речевые формы, повествование, рассуждение, имплицитный диалог.

Keywords: Old English poetry, elegy, discourse types, narration, reasoning, implicit dialogue.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_2_115_127

1. Введение

Древнеанглийская поэма «Морестранник» [The Seafarer], созданная неизвестным автором не позднее X в., является одним из самых известных и, в то же время, неоднозначно трактуемых произведений англосаксонской поэзии. Неоспоримой является роль поэмы в создании будущей медитативной лирики и поэзии дидактической направленности [Древнеанглийская ..., 1982, с. 282]. «Морестранник» традиционно считается элегией, которая понимается как жанр лирики, характеризующийся небольшим объемом, свободной композицией, преобладанием рассуждения (от 1 л. ед. ч.) и описания идеального пейзажа как композиционно-речевых форм, а также преимущественно грустной тональностью [ЛЭС, 1987, с. 508 ; ЛиЯ, 2006, с. 962 ; Эйгес, 1925, с. 1111–1112]. Тем не менее, поэма «Морестранник» обнаруживает не все из перечисленных выше характеристик. Например, в научной литературе отмечается явная выраженность внутреннего членения «Морестранника» [Sobecki, 2008, с. 127] и его тоновая неоднородность [Greenfield, 1989, с. 104]. Очевидно также объемное (124 стихотворных строки) несоответствие поэмы жанровым требованиям. Представляется, что подобные отклонения от жанрового канона продиктованы необходимостью реализации авторского замысла, а также дидактической направленностью текста. Анализ древних элегий ставит ряд языковых проблем, при этом главное внимание исследователей обращается, как правило, на выяснение соотношения между традиционным в древнегерманской поэзии языческим элементом и новым для древнегерманских народов христианским мировоззрением.

Основанный на композиционном контрасте, сюжет произведения передаёт внутренние противоречия лирического героя. Собственный жизненный опыт морестранника, долго скитавшегося по морским просторам, подводит его к размышлениям о превратности судьбы и отсутствии надежного фундамента человеческого существования в бренном мире. Итогом философских раздумий служит вывод о необходимости упования на Бога, который становится светом, выводящим лирического героя из тьмы безыс-

ходности. Для элегии «Морестранник» характерны неожиданная смена тона повествования и резкие переходы от отчаяния к надежде и воодушевлению. В этой связи, произведение получило множество различных толкований, которые нашли своё отражение в переводах «Морестранника» на современный английский и другие языки. С момента первого такого перевода, сделанного в 1842 г., и до начала XXI в. поэма была переведена десятки раз, при этом ни одно осмысление нельзя признать предпочтительным. Повышенный интерес к данному произведению и многие связанные с ним вопросы, на которые так и не найдено однозначных ответов, определяют актуальность настоящего исследования.

Переводчики и критики видели в «Морестраннике» немотивированное сочетание элементов элегии и дидактики, воспевание опасной, но притягательной морской стихии, закладывающее литературные традиции романтизма, философский диалог между разочаровавшимся в жизни моряком на склоне лет и молодым человеком, которого манят дальние морские странствия [Moogman, 2018, с. 30], и так далее. Широкое распространение получила трактовка поэмы как аллегорически изложенной христианской идеи о пути, который совершает человек, переходя от обыденного жизненного опыта, ассоциируемого в данном случае с традиционной этикой и стилистикой древнегерманской эпической поэзии, к высокому, духовному пониманию существования, что выражено в нравоучительной концовке произведения. Однако самими интерпретаторами зачастую признается неадекватность толкований этой элегии [Greenfield, 1989, с. 154]. Отмечается, что одна из наиболее сложных проблем интерпретации «Морестранника» заключается в общей непродуктивности попыток найти последовательность мысли в рамках всего произведения. Отдельные предложения вне широкого контекста трактуются достаточно чётко, однако в качестве элементов автобиографического нарратива поэмы они не создают системности [Orton, 1991, с. 37].

2. Исследовательская часть

Представляется, что ключевой для адекватного толкования элегии является композиционная организация текста и, прежде всего, категория контекстно-вариативного членения. Как отмечает И. Р. Гальперин, данная категория определяется, в основном, прагматической установкой текста [Гальперин, 2009, с. 50–51], поэтому мы полагаем, что анализ композиционно-речевых форм поэмы, их смены позволит лучше понять и интерпретировать замысел автора, а также объяснить тоновую неоднородность произведения. Данная идея выступает как рабочая гипотеза настоящего исследования, в ходе которого ставится цель доказать, что «Морестранник» состоит из трех значимых частей в зависимости от форм речетворческих актов, которые в нём реализуются: описания с элементами повествования, рассуждения и имплицитного диалога. Выделение перечисленных частей видится возможным на основе анализа лингвостилистических средств лексического и грамматического характера. К первым относятся прежде всего

эпитеты, а также эмотивная лексика в целом. К грамматическим средствам следует, в первую очередь, отнести употребление местоимений и личных глагольных форм. В таком ракурсе элегия «Морестранник» ранее не рассматривалась, что определило новизну настоящего исследования.

Итак, первая значимая часть поэмы (1–38 строки) – описание с элементами повествования – в «Морестраннике» используется для передачи личного опыта рассказчика. Характерные для повествования логические отношения обусловленности и временной последовательности переплетаются с типичным логическим отношением описания – экзистенции, существования и характеристики [Никонова, 2008, с. 125]. Поэма открывается формульным зачином: *Mæz ic be me sylfum soðzied wrecan* – 'Быль о себе поведать могу я'. В данной части внимание слушателя / читателя фокусируется на конкретных картинах морской стихии, физических и морально-психологических трудностях, испытываемых рассказчиком-морестранником, для чего широко используются эпитеты и эмотивная лексика с отрицательной коннотацией, представленная следующими словоформами и словосочетаниями: *zeswincdazum* 'дни борьбы', *earfoðhwile* 'тяжкое время', *breostceare* букв. 'забота в груди', *cearselda* 'юдоли забот', *atol uþa zewealc* 'страшный волн пережат', *forste zebunden* 'скованные стужей', *earmceariz* 'жалкий, угнетённый', *bidroren* 'лишённый', *isizfeþera* 'с ледяными перьями', *calde zeþrunzen* 'холодом пронзённые', *iscaldne* 'ледяной, студёный', *feasceftiz* 'бедный', *bealosip* 'роковой путь'.

Слова с положительной окраской в описательной части практически отсутствуют. Редким исключением выступают существительные *zomen* 'удовольствие, развлечение' и *wyn* 'радость':

dyde ic me to zomene, zanotes hleoþor – '**отрадой** был мне олуши крик';

se þe ah lifes wyn – 'тот, кто имеет **радости** жизни'.

Лексические единицы с положительной коннотацией употребляются только для того, чтобы обозначить отсутствие выражаемых ими понятий:

winetæzum bidroren – 'лишённый **любящих сородичей**';

fore hleahtor wera – 'вместо **смеха** людского';

næniz hleomæza feasceftiz ferð frefran meahte – 'никто же из **друзей-сородичей** бедную душу **утешить** не может'.

Негативная эмотивность и атмосфера подавленности и отчаяния в первой части поэмы также создаются при помощи метафор, носящих в некоторых случаях перифрастический характер:

þa ceare seofedun hat umb heortan – букв. 'заботы кипели жгучие у сердца';

hunzor innan slat merewerzes mod – букв. 'голод изнутри разъедает морем изнуренную душу';

wræccan lastum – 'стезей изгнания';

corna caldast – 'град', букв. 'самое холодное из зерен'.

В плане грамматики контекстно-вариативное членение текста обеспечивается преимущественно посредством категорий лица и числа. Из грамматических средств контекстно-вариативного членения текста глав-

ным в описании выступает использование личного местоимения. Рассказчик, описывая тяготы морских странствий, опирается исключительно на собственный опыт. Соответственно, в тексте широко представлены формы 1-го лица единственного числа (см. табл. 1). Данные в представленной ниже таблице собраны в результате анализа всех контекстов исследуемой поэмы, в которых употребляются местоименные и близкие им по значению и функции формы.

Таблица 1. Распределение форм местоимений по значимым частям поэмы

Лицо, число	Местоименные формы и прономинализованные словосочетания	1-я часть	2-я часть	3-я часть
1-е л., ед. ч.	<i>ic, me, mec, min</i>	12 (71%)	5 (29%)	0
3-е л.	<i>he, hi, him, hine, his, mon, se, þam, sume, zehwam, monna zehwylc, ænzes monnes, ælda bearn, se bearn</i>	4 (9%)	25 (53%)	18 (38%)
1-е л., мн. ч.	<i>we, usic</i>	0	0	6 (100%)

Примечание к таблице 1: 1-я часть (строки 1–38) – повествование и описание, 2-я часть (строки 39–102) – рассуждение, 3-я часть (строки 103–124) – имплицитный диалог.

В описательной части поэмы личное местоимение 1-го лица единственного числа используется чаще всего в форме номинатива, а также в формах косвенных падежей – датива и аккузатива:

Mæz ic be me sylfum – 'Могу я о себе самом';

hu ic ... oft þrowade – 'как я ... часто испытывал';

mec oft bizeat nearo nihtwaco – 'меня часто заставляла бессонная вахта';

Calde zeþrunzen wæron mine fet – 'Холодом пронзены были мои ноги' – единственный случай использования генитивной формы местоимения в данной части поэмы;

hu ic ... winter wunade – 'как я ... зиму переживал';

ic ne zehyrde butan hlimman sæ – 'я слышал только ревущее море';

ylfete sonz dyde ic me to zomene – 'лебединая песнь была мне в радость';

hu ic ... in brimlade bidan sceolde – 'как я ... на морской тропе терпеть был должен';

ic hean streamas, sealtyþa zelac sylf cunnize – 'я высокие потоки, соленых волн теснение сам познал'.

Как можно видеть из приведенных примеров, наряду с местоимением 1-го лица в некоторых случаях используется усиленное местоимение *sylf*, которое фокусирует внимание читателя на рассказчике и его воспоминаниях.

Ещё одна часть речи, обладающая в древнеанглийском языке категориями числа и лица и, соответственно, используемая в целях контекстно-вариативного членения текста – это глагол. Несмотря на то, что в первой части «Морестранника» именные части речи преобладают над глагольными (80 : 20%), что является типичным признаком описания, глаголы все же являются смысловыми центрами данного фрагмента, способствуя реализации хронотопа текста. В контексте анализируемого произведения употребляются преимущественно временные глагольные формы претерита, используемые для передачи прошлого опыта лирического героя, и реже презенса – для введения фрагментов вневременного характера. В приведенных выше примерах это словоформы 1-го лица единственного числа *mæg* 'могу', *browade* 'испытывал', *wunade* 'переживал', *zehyrde* 'слышал', *dude* 'делал', *sceolde* 'был должен'. Кроме того, вследствие возможности опущения подлежащего, еще некоторое количество примеров обнаруживается в односоставных предложениях:

breostceare zebiden hæbbe – 'душевную заботу (я) **переносил**';
zescunnad in ceole – '**познал** (я) на корабле'.

Очевидно, что лексическая семантика приведенных выше глагольных словоформ достаточно узка: в своем большинстве это лексемы со значением чувственного восприятия, мыслительной деятельности и морально-психологического состояния человека, что также придает описательный характер рассматриваемому фрагменту.

По нашему мнению, заканчивается описание 38-й строкой, поскольку с этого момента с собственных конкретных впечатлений и переживаний рассказчик переключается на отвлеченные рассуждения о бренности мира и о судьбе человека в этом мире [Greenfield, 1989, с. 168]. Рассуждение, основанное на желании аргументированно донести до читателя точку зрения автора, убедить его, предполагает сопоставление различных понятий и опору не столько на собственный опыт, сколько на объективные обстоятельства. Соответственно, в этой части поэмы (строки 39–102) меняется характер лингвостилистических средств. Эмотивная лексика делится на две части – с положительной и отрицательной коннотацией – для обеспечения сопоставления, а фигура самого рассказчика уходит из центра повествования на второй план, что находит выражение в менее широком использовании грамматических форм 1-го лица.

В части, отведенной для рассуждения, отмечается употребление следующей эмотивной лексики с негативной окраской: *sorze* 'забота, тревога', *bitter* 'горький', *wraeclastas* 'стеzi изгнания', *zraediz* 'жадный', *deade* 'мертвая', *adl* 'болезнь', *yldo* 'старость', *eczhetete* 'война', букв. 'ненависть меча', *fæzum* 'у обреченных', *nip* 'злоба', *feond* 'враг, дьявол', *deofol* 'дьявол', *znorað* 'жалуется', *sar* 'боль', *zraef* 'могилу', *byrzan* 'хоронить', *zeomran* 'печальным', *tweon* 'неуверенности', *wacran* 'слабые', *seariað* 'увядают', *blacað* 'бледнеет', *synna* 'грехов'. Вместе с тем, в противоположность описательной части, в рассуждении также следует констатировать наличие сопоставимой доли (47 : 53%) положительно окрашенной лексики: *zod* 'хороший', *deor* 'сме-

луй', *wyn* 'удовольствие', *hyht* 'надежда', *fæzriað* 'становятся красивыми', *wlitizað* 'хорошеют', *sefteadiz* 'удачливый', *dreamas* 'радости', *lof* 'похвала', *betst* 'наилучший', *enzlum* 'ангелами', *onmedlan* 'славы, величия', *mærþa* 'подвиги', *dryhtlicestum* 'благородном', *indryhto* 'почет', *swete* 'сладкое', *maþmum* 'сокровища'. Противопоставление лексики с положительной и отрицательной коннотацией в контексте рассуждения дает возможность рассказчику, с одной стороны, выделить приятные стороны человеческой жизни, а с другой – с помощью отрицательно окрашенной лексики сделать акцент на том, что все приятные моменты эфемерны.

Ярким средством усиления риторического эффекта рассуждения является употребляемая несколько раз на протяжении фрагмента конвергенция стилистических приемов инверсии, параллельных конструкций, перечисления и стилистического использования отрицания:

Ne biþ him to hearpan huze ne to hrinzþeze
ne to wife wyn ne to worulde hyht
ne umbe owiht elles nefne umb uða zewealc
 [ни арфа его не радуется, ни награды в застолье,
 ни с женой утехи, ни земное веселие
 и ничто другое, кроме волн переката]

ne swete forswelzan ne sar zefelan
ne hond onhreran ne mid huze þencan.
 [ни сладкого испробовать, ни боль почувствовать,
 ни рукой шевельнуть, ни головой подумать]

Усиливаемое инвертированным порядком слов, параллельными структурами и многократным анафорическим повтором отрицание указывает на бренность всего земного, на временность и тщету земных удовольствий и устремлений.

Коренным образом в рассуждении меняется функционирование форм лица. Как и в предыдущей части, наиболее четко это прослеживается на примере местоимений. Повествование приобретает очень широкий охват, включая в себя мир (*middanzeard, eorþ*) в целом. Личность рассказчика словно растворяется в такой крупной картине. Употребление личного местоимения 1-го лица единственного числа в номинативе практически сходит на нет. В наиболее объемной части поэмы – рассуждении – данная форма встречается лишь один раз:

Ic zelyfe no þæt him eorðwelan ece stondað – 'Я не верю, что у него земные богатства вечно пребудут'.

Следует отметить, что употребление форм косвенных падежей местоимения 1-го лица единственного числа демонстрирует такую же частотность, как и в описательной части, но все они сконцентрированы в самом начале рассуждения, обеспечивая связь с предшествующей частью:

Forþon nu min huze hweorfed ofer hreþerlocan, min modsefa mid mereflode – 'Воистину, теперь мой дух рвется из груди, душа моя (стремится) к морским потокам';

cyteð eft to me zifre ond zraediz – 'возвращается ко **мне** жаждущая и неудовлетворенная';

Forþon me hatran sind Dryhtnes dreamas þonne þis deade lif – 'Воистину, **мне** горячее Господа радости, чем эта мертвая жизнь'.

В последнем примере также примечательно использование оксюморона *deade lif* 'мертвая жизнь', построенного на контрасте значений лексем, называющих два центральных понятия рассуждения рассказчика-морестранника. Из приведенных выше примеров видно, что в рассматриваемой композиционно-речевой форме поэмы почти исчезают глагольные формы 1-го лица. Единственным исключением служит приведенный выше контекст: *Ic zelyfe no* – '**Я** не верю'.

Другим показателем изменения формы речетворческого акта в рассуждении является резкий рост частотности и разнообразия форм 3-го лица по сравнению с описанием (см. табл. 1). Рассказчик в данной части принимает роль стороннего наблюдателя, комментирующего поступки других людей. 3-е лицо в «Морестраннике» выражается следующим набором местоименных и близких им по значению форм:

1) личное местоимение *he / hi* 'он / они' в номинативе и косвенных падежах, например: *þæt he zewurce, ær he on wez scyle* – 'чтобы **он** трудился до того, как **он** должен уйти';

2) указательное местоимение *se (þe)* 'тот (который, кто)' в анафорической функции, например: *ac a hafað lonzunze se þe on lazu fundað* – 'но всегда тоскует **тот, кто** в море ходить отваживается';

3) неопределенное местоимение *sum* 'некоторый, некто', например: *hwæt þa sume dreozað* – 'что тогда **некоторые** испытывают';

4) неопределенное местоимение *zehwa* 'каждый', например: *Forþon biþ ... zehwat* – 'Ибо так бывает ... **с каждым**';

5) прономинализованное словосочетание *tonna zehwylc* 'всякий, каждый', например: *swa nu tonna zehwylc zeond middanzeard* – 'как ныне **каждый человек** на свете';

6) субстантивированное прилагательное *se bearn* – 'человек', букв. 'рожденный' с обобщенным значением: *þæt se beorn ne wat* – 'Того **человек** не знает';

7) фразеологизированное словосочетание *ælda bearn* букв. 'старших рожденные', т.е. 'люди, человеческий род': *þæt hine ælda bearn æfter herzen* – 'чтобы его **люди** потом славили'.

Отметим особо, что речь идет только о тех контекстах употребления местоимений и соответствующих им слов и словосочетаний, когда антецедентом выступает существительное со значением лица. Таким образом, из сферы нашего рассмотрения исключаются контексты, в которых перечисленные единицы относятся к неодушевленным понятиям, например:

Simle þreora sum þinza zehwylce ær his tiddeze to tweon weorþeð – 'Всегда из трех **какая-нибудь вещь любая** до его рокового часа судьбой обернется'.

Такой подход обусловлен общим антропоцентричным характером контекстно-вариативного членения текста анализируемого произведения: в

первой части внимание рассказчика сосредоточено на его собственном «я», во второй части – на людях в целом, в третьей – на фигуре Бога и слушателях / читателях поэмы.

Для сравнения: в описательной части «Морестранника» отмечается только четыре случая употребления местоименных форм 3-го лица (см. табл. 1). Приведем примеры.

Ɔæt se mon ne wat þe him on foldan fæzrost limpeð – 'Того человек не знает, **которому** на суше удача благоприятствует';

Forþon him zelyfeð lyt, se þe ah lifes wun – 'Воистину, **тому** (это) нравится мало, **кто** имеет жизни удовольствия'.

В части, отведенной для рассуждения, количество местоименных словоформ 3-го лица составляет 25. Формы 3-го лица иногда располагаются в непосредственной близости друг от друга, образуя достаточно широкий контекст, например, при перечислении:

Forþon nis þæs modwlanc mon ofer eorþan, ne his zifena þæs zod, ne in zeozibe to þæs hwæt, ne in his dædum to þæs deor, ne him his dryhten to þæs hold, þæt he a his sæfore sorze næbbe, to hwon hine Dryhten zedon wille

[Воистину, нет такого гордого человека на земле, ни **своими** дарами настолько щедрого, ни в юности настолько смелого, ни в **его** деяниях настолько отважного, ни **его** господин **им** настолько не дорожит, что **он** в **своих** морских странствиях не тревожится о том, что с **ним** Господь сделает].

В части поэмы, отведенной под рассуждение, рассказчик ведет речь либо о людях в целом, и тогда употребляется множественное число третьего лица, например: *þonne hi mæst mid him mærbæ zefremedon* – 'когда **они**, величайшие среди **них**, деяния совершали', либо типизирует некую человеческую личность, и тогда 3-е лицо используется в единственном числе, например: *Yldo him on fareþ, onsyn blacað, zomelfeax znornað, wat his iuwine, æþelinza bearn eorþan forziefene* – 'Старость к **нему** приходит, лицо выцветает, седобородый жалуется, знает, что **его** бывшие друзья, благородных сыны, земле предаются'.

Последняя часть «Морестранника» (строки 103–124) представляет собой имплицитный диалог, в котором автор подводит итоги размышлений и приглашает читателя согласиться с результатами своих рассуждений. Как отмечает И. Р. Гальперин, переключение композиционно-речевого плана на диалог является одним из средств приближения к сообщаемым событиям [Гальперин, 2009, с. 64]. По нашему мнению, вторая часть заканчивается 102-й строкой, поскольку именно с этого момента внимание рассказчика всецело переключается на выводы, сделанные в ходе рассуждения, в центре которых находится фигура всемогущего Бога и его отношения к человеку.

Основным средством реализации имплицитного диалога в поэме является личное местоимение 1 л. мн. ч. Отмечается, что, как правило, использование совместно-ограничительного местоимения 1-го лица множественного числа, для которого референтом является «автор + читатель», приглашает читателя к совместному размышлению, что активизирует процесс восприятия [Ефремова, 2017, с. 45]. Данное местоимение употребляется в поэме шесть раз (см. Табл. 1), в том числе и при прямом

обращении к читателю, выраженном сочетанием побудительного глагола *uton* с инфинитивом.

*Uton we hyczan hwær we ham azen,
ond þonne zebencan hu we þider cumen;
ond we þonne eac tilien þæt we to moten
in þa ecan eadiznesse
þær is lif zelonz in lufan Dryhtnes,
hyht in heofonum.*

[**Давайте** размыслим, где у **нас** дом,
и затем подумаем, как **нам** туда попасть;
и надо нам тогда стремиться, чтобы **мы** смогли (попасть)
в это вечное блаженство,
то есть жизнь по любви Господа,
радость на небесах].

В данном фрагменте совместно-ограничительное *we* используется для того, чтобы пригласить читателя к размышлению о своем реальном доме, прибежище, которое, по мнению автора, обретается рядом со Всевышним. Божественный мир описывается при помощи лексических единиц с положительной коннотацией: *hyht in heofonum* 'радость на небесах', *ecan eadiznesse* 'вечное блаженство'. Имплиcitный диалог реализуется в данном фрагменте также за счет привлечения средств модальности в виде форм сослагательного наклонения с семантикой совета, с помощью чего автор дает рекомендацию читателю стремиться спастись на небесах.

Помимо личного местоимения 1 л. мн. ч. для имплиcitного обращения к читателям автор применяет местоимения и семантически близкие к ним формы 3-го лица в обобщенно-личном значении, указывая на то, что его слова относятся не к кому-то конкретному, а к любому человеку.

1. Относительное местоимение и личное местоимение 3 л. ед.ч м. р.: *Eadiz bið se þe eaþmod leofaþ; cymed him seo ar of heofonum* [Блажен **тот, кто** смиренно живет; к **нему** приходит благодать с неба].

2. Неопределенно-личное местоимение *mon* 'люди, кто-то' не встречается в рассуждении и используется в тексте поэмы лишь однажды в части имплиcitного диалога: *Stieran mon sceal stronzum mode* [Сдерживать надо страсти].

3. Прономинолизированное словосочетание *æniþ mon* 'всякий, любой' также встречается только один раз в форме генитива в части имплиcitного диалога: *Meotud meahþizra, þonne ænzes monnes zehuþd* [Создатель могущественней, чем **любого человека** помысел].

Также реализации имплиcitного диалога способствует использование побудительного по цели высказывания предложения: *Þæs sy þam Halzan þonc þæt he usiþ zeweorþade* [Благодарение Господу, что Он **нас** создал]. Автор, напрямую не обращаясь к читателям, используя глагольную форму императива *sy* 'да будет!', призывает их возблагодарить Господа, который метафорически называется *wuldres Ealdor* 'Отец славы'.

Как отмечают Э. Г. Ризель и Е. И. Шендельс, для имплиcitного диалога характерны противительные отношения между предложениями, кото-

рые тесно связаны друг с другом [Ризель, 1975, с. 271]. Для третьей части поэмы «Морестранник» также типично построение по принципу антитезы.

Dol biþ se þe him his Dryhten ne ondrædeþ; cymeð him se deað unþinzed.

Eadiz bið se þe eaþmod leofaþ; cymeð him seo ar of heofonum.

[Глуп тот, кто своего Господа не боится – приходит к нему смерть неожиданно.

Блажен тот, кто смиренно живет – к нему приходит благодать с неба].

Противопоставление в данном фрагменте базируется на контекстуальных антонимах: *dol* 'глупый', *eadiz* 'блаженный' и усиливается употреблением параллельных конструкций и лексики с противоположной коннотацией: *ondrædan* 'бояться', *deað* 'смерть', *unþinzed* 'неожиданный' – отрицательная коннотация, *ar* 'благодать', *heofon* 'небо' – положительная коннотация.

3. Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что ключевую роль для передачи основной идеи автора поэмы «Морестранник» об эфемерности земного существования и необходимости обращения устремлений человека к Богу играет композиция и, прежде всего, контекстно-вариативное членение. Разделив текст на три отличающиеся доминирующими композиционно-речевыми формами сверхфразовых единства, поэт достигает сразу три цели: обращения к собственному опыту через описание с элементами повествования, аргументированной подачи своей точки зрения за счёт использования рассуждения и убеждения читателя посредством имплицитного диалога.

Вышеупомянутые композиционно-речевые формы реализуются на грамматическом уровне, благодаря дифференцированному использованию местоимений и личных форм глагола, на лексическом уровне – посредством применения коннотативно неоднородных слов и выражений, на стилистическом уровне – при помощи тропов и синтаксических стилистических приёмов. Особую роль в контекстно-вариативном членении текста играет употребление местоимений, выступающих лексико-грамматическими маркерами соответствующих композиционно-речевых форм: в описании и повествовании преобладают формы 1-го лица единственного числа, в рассуждении высок удельный вес форм 3-го лица, а в имплицитном диалоге важное место занимают формы 1-го лица множественного числа.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – Изд. 7-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 149 с.
2. Горнфельд, А. Г. Элегия, литературный жанр [Электронный ресурс] / А. Г. Горнфельд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/118402/Элегия (дата обращения 05.01.2019).

3. Древнеанглийская поэзия [Текст] / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. – М. : Наука, 1982. – 320 с.
4. Ефремова, Д. А. Функционально-семантические особенности личных местоимений в тексте биографических очерков [Текст] / Д. А. Ефремова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 781. – С. 40–49.
5. ЛиЯ – Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия [Текст] / под ред. А. П. Горкина. – М. : Росмэн, 2006. – 584 с.
6. ЛЭС – Литературный энциклопедический словарь [Текст] / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.
7. Никонова, М. Н. Теория текста : учеб. пособие [Текст] / М. Н. Никонова. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2008. – 240 с.
8. Ризель, Э. Г. Стилистика немецкого языка [Текст] / Э. Г. Ризель, Е. И. Шендельс. – М. : Высшая школа, 1975. – 316 с.
9. Эйгес, И. Р. Элегия [Текст] / И. Р. Эйгес // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 2. П–Я. – С. 1111–1113.
10. Greenfield, S. V. Hero and Exile: The Art of Old English Poetry [Text] / S. V. Greenfield. – Bloomsbury Publishing, 1989. – 256 p.
11. Moorman, F. W. The Interpretation of Nature in English Poetry from Beowulf to Shakespeare [Text] / F. W. Moorman. – Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2018. – 257 p.
12. Orton, P. The Form and Structure of the Seafarer [Text] / P. Orton. – *Studia Neophilologica*. – 1991. – Vol. 63. – Issue 1. – P. 37–55.
13. The Seafarer [Electronic Resource]. – URL : <http://www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=Sfr> (дата обращения 06.01.2019).
14. Sobeki, S. I. The Interpretation of The Seafarer – A re-examination of the Pilgrimage Theory // *Neophilologus*. – 2008. – Vol. 92. – Issue 1. – P. 127–139.

References

1. Galperin, I. R. (2009). *Tekst kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Study]. Moscow : LIBROKOM Press.
2. Gornfeld, A. G. (1890–1907). *Elegiya, literaturniy zhanr* [Elegy, Literary Genre]. *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Brokgauz & Efron Encyclopaedic Dictionary]. Saint-Petersburg. Retrieved January 5, 2019 from <https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/118402/Элегия>.
3. Steblin-Kamenskiy, M. I. (ed.). (1982). *Drevneangliyskaya poeziya* [Ancient English poetry]. Moscow : Nauka Press.
4. Efremova, D. A. (2017). Funkcionalno-semanticheskie osobennosti lichnyh mestoimeniy v tekste biograficheskikh ocherkov [Semantic and functional peculiarities of personal pronouns in biographical sketches]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [MSLU Bulletin. The Humanities], 781, 40–49.

5. Gorkin, A. P. (ed.). (2006). *Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Literature and Language. Modern Illustrated Encyclopaedia]. Moscow : Rosmen Press.
6. Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (eds). (1987). *Literaturniy entsiklopedicheskiy slovar* [Literary Encyclopaedic Dictionary]. Moscow : Sovetskaya Entsiklopediya Press.
7. Nikonova, M. N. (2008). *Teoriya teksta* [Theory of Text]. Omsk : Omsk State Technical University Press.
8. Rizel, E. G., Shendels, E. I. (1975). *Stilistika nemeckogo yazyka* [Stylistics of German]. Moscow : Vysshaya Shkola Press.
9. Eiges, I. R. (1925). Elegy. In N. Brodskiy, A. Lavretskiy, E. Lunin, V. L'vov-Rogachevskiy, M. Rozanov, V. Cheshikhin-Vetrinskiy (eds), *Literaturnaya enciklopediya: Slovar literaturnyh terminov* [Literary Encyclopaedia: Dictionary of Literary Terms] (Vol. 2, pp. 1111–1113). Moscow : L. D. Frenkel Press.
10. Greenfield, S. B. (1989). *Hero and Exile: The Art of Old English Poetry*. Bloomsbury Publishing.
11. Moorman, F. W. (2018). *The Interpretation of Nature in English Poetry from Beowulf to Shakespeare*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
12. Orton, P. (1991). The Form and Structure of the Seafarer. *Studia Neophilologica*, 63, 37–55.
13. The Seafarer. Retrieved January 6, 2019 from <<http://www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=Sfr>>.
14. Sobecki, S. I. (2008). The Interpretation of The Seafarer – A re-examination of the Pilgrimage Theory. *Neophilologus*, 92 (1), 127–139.